

Татьяна Квятковска
Силезский университет, Польша

ЛЕКСИКА НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. СОЛОГУБА *МЕЛКИЙ БЕС* И ЕГО ПЕРЕВОДА)

Abstract

The words with negative connotation in Russian and Polish language (in the F.Sologub's novel *Fine demon* and in polish translation of this novel)

This paper presents final results of the research on estimating lexemes in the novel by F. Sologub *Fine demon*. The main finding arising from the analysis is that nouns represent the most numerous in quantity and divers in quality group among words with negative connotation. All these words together create a picture of mutual relations between novel characters and become important element characterising the text of novel as a whole. The research found out semantic and stylistic differences of lexemes used in Russian and Polish, what allows concluding that the estimation is related to the specificity of nation reflected in its language, existing stereotypes as well as ways of thinking.

Ключевые слова: *оценочность, субъект и объект оценки, коннотация, оценочная лексика, лексика подстандарта, проблемы перевода.*

Предметом нашего рассмотрения будет проблема оценочности и способы ее выражения в русском и польском языках. Языкознание в последнее время, прагматика и семантика прежде всего, все более интересуются языком как средством отображения в нем речевого субъекта, а также как средством воздействия на собеседника. Изучение в этой связи проблем негативной оценки представляется актуальным. Не только потому, что человеку свойственно так или иначе разделение всего того, с чем он сталкивается, по основаниям “хорошо” или “плохо”, “полезно” или “вредно” (“для меня”) (Арутюнова 1982: 5). Оценка будет пониматься нами, с одной стороны, как средство, отображающиеся на разных уровнях языковой структуры, а с другой, как процесс, производимый субъектом. Оценка при этом (принимая это за исходное положение) характеризует не столько того, на кого она направлена и к кому обращена, сколько субъекта, т.е. самого говорящего. В качестве источника языкового материала был выбран роман Ф. Сологуба *Мелкий бес*. Учитывая то, что негативная оценка проявляется главным образом в разговорной речи, позволяя реализовать желание оскорблять и критиковать (характерное так или иначе для каждого человека), выбор *Мелкого беса* оправдывается типичным для него обращением именно к разговорно-обиходной среде. Роман предоставляет богатый и яркий набор разговорных средств и особенностей, с использованием в первую очередь большого числа синонимов негативной оценки. Во внимание принималась при этом только речь персонажей, исходя из того, что герои, общаясь между собой, используют явления разговорного

языка, просторечие и бранную лексику, свое негативное отношение передавая тем самым ярче и непосредственнее. Предметом анализа были те единицы, которые прямо ассоциируются с оценкой: вульгарные прозвища и восклицания, обладающие большой эмоциональной окраской, передающие пренебрежение, презрение к собеседнику. Слова эти, имеющие главным образом характер оценочных наименований, их численный перевес и разнообразие становятся подтверждением мнения о том, что разговорная речь имеет характер антропоцентрический, в центре ее стоит человек (его способ восприятия мира), его потребности и предрасположения (Курґуґо 1990: 21-27). Объектом анализа были, тем самым, существительные, называющие объект оценки как носителя определенных (негативных) черт, указывающие на отдельную его черту или на объект в целом. Модель оценки можно представить в виде: “X является носителем свойств У”. Это слова, содержащие в большинстве своем дескриптивный план и одновременно выражающие отрицательное отношение субъекта к описываемому (напр. оценочное слово *глупец* – “глупый человек” или экспрессивно-оценочное *осел* – “тупой” + говорящий считает его плохим) (Телия 1988: 30).

Помимо указанного, следует учесть еще и то, что негативная оценка, будучи характерной и свойственной человеку, совмещает его субъективные суждения и, одновременно, существующие стереотипы, схемы мышления и восприятия. Тем самым, она становится отображением представлений о мире не только отдельного человека, но и всего народа, представителем которого он является. Из этого следует, что оценочность можно причислить к разряду тех категорий, исследование которых дает возможность понять национальный характер, дух народа, его культуру и мировоззрение. Сопоставление же позволяет не только заметить способы выражения негативной оценки, характерные для времени, но и отметить черты, составляющие особенности русского и польского языков на рубеже XIX и XX столетий.

В связи со сказанным, необходимо обратить внимание на проблему шкалы “оскорбительности”. Слова с негативной оценкой способны проявлять свою негативность с неравной силой, начиная от слов, используемых иронически, оскорбительных окказионализмов, до собственно инвективы. Одновременно с этим сама оскорбительность – явление относительное. Степень ее зависит, в частности, от существующих культурных представлений и обусловленностей, характерных для данного языка и, в нашем случае, для данного времени (анализируемый текст написан на рубеже XIX и XX вв. и передает особенности языка той эпохи).

При определении слов с негативной оценкой, для более полного представления об их семантике и окраске, мы опирались на *Словарь русской брани* (Арбатский 1999) (далее СРБ), *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów* (Grochowski 1995), *Słownik*

polszczyznu potocznej (Anusiewicz, Sławiński 1996). Данные словари позволили определить значение отдельных оскорбительных слов, сферу и ситуации их применения. Интересным и показательным было, в частности, то, что все исследуемые единицы нашли свое отражение в русском СРБ, но только некоторые из них, использовавшиеся при переводе романа, отражены в указанных польских источниках. Встречающиеся в *Мелком бесе* слова в словаре Арбатского отмечаются как *смертельные оскорбления* или *бытовая грубость*, в польских словарях их эквиваленты чаще всего имеют помету *potoczne, obraźliwe*, при этом часто приводятся разнообразные, еще более яркие, резкие, грубые, появившиеся в последнее время, соответствия сологубовских оскорбительных слов. Факт этот, с одной стороны, подтверждает отмечаемую в последнее время демократизацию языка (Арбатский 1999: 9), расширение некоторых лексических кругов (Ożóg 1981: 182), а с другой, то, что Ф. Сологуб своим романом опередил эпоху, вызвав в свое время протест и неоднократные возмущения по поводу того, что *Мелкий бес* демонстрировал упрощение языка (упреки касались ограничения числа используемых слов литературного речи и отсутствия языкового чутья у автора).

Обратимся к некоторым примерам для иллюстрации сказанного. Все примеры и страницы приводятся по изданию романа (Сологуб 1995) и его перевода на польский язык (Sołogub 1973).

(1). <i>Ишь, <u>ехидник</u> какой!</i> (с.204)	(1). <i>A to ci <u>złośliwiec</u> dopiero.</i> (s.199)
(2). <i>Эй ты <u>фря</u>, выходи плясать.</i> (с.39)	(2). <i>Ej, ty, <u>ważniaczko</u>, chodź potańczyć.</i> (s.31)
(3). <i><u>Кисляй Кисляевич!</u></i> (с.55)	(3). <i><u>Ofermo Ofermowiczu!</u></i> (s.48)
(4). <i>Забыл, <u>срамник</u> этакий?</i> (с.280)	(4). <i>Zapomniałeś już? <u>Bezecniku</u> jeden.</i> (s.277)

Выделенные существительные сообщают об эмоциях говорящего. К примеру, предложения (2) и (3) выражают пренебрежительное отношение к собеседнику, выполняя также номинативную функцию и называя ту или иную негативную черту объекта оценки в связи с контекстом, напр. *кисляй* – “нудный, скучный человек”, *oferma* – “człowiek niezdarny, niedołąga”; *фря* – “персона”, *ważniaczka* - “zarozumiała kobieta”.

Приведенная лексика, помимо негативной оценки со стороны говорящего, содержит также характеристику его самого. Все слова в русских словарях имеют помету *просторечное*, в польском словаре – *potoczne*, что подтверждается использованием их в тексте с экспрессивной целью. Частое употребление этих выражений говорящими свидетельствует о социальном положении собеседников, об их

необразованности. Следует обратить также внимание на окказиональные наименования, содержащие соответствующие коннотации, выступающие в оценочной функции, напр. форма *Кисляй Кисляевич*, образованная по типу имени-отчества, от прилагательного *кислый* с помощью просторечного суффикса *-яй-*, с усиливающим удвоением той же основы в отчестве с суффиксом *-евич*. В польском эквиваленте суффикс *-owicz-* усиливает негативное значение существующего слова *oferma*.

Необходимо отличать лексику презрительную, пренебрежительную (примеры которой были представлены) от лексики бранной, которая в речи персонажей *Мелкого беса* занимает немалое место. Бранную лексику следует рассматривать как специфический способ выражения негативной оценки, не содержащий информации о собеседнике, однако способный передать отношение говорящего к предмету речи и подвести итоги на тему его самого. Обращения типа:

(5). <i>Скотина ты, Ардальон Борисыч!</i> (с.27)	(5). <i>Ależ bydlę z ciebie, Ardalionie!</i> (s.19)
(6). <i>Стерва проклятая!</i> (с.39)	(6). <i>Ścierwo przekłete!</i> (s.32)
(7). <i>Ах ты, негодная дрянь!</i> (с.118)	(7). <i>Ja ci pokażę, ty cholero!</i> (s.112)
(8). <i>Сама дрянь.</i> (с.118)	(8). <i>Samaś cholera.</i> (s.112)
(9). <i>Тварь капризная.</i> (с.118)	(9). <i>Kapryśna bestia.</i> (s.112)
(10). <i>Ты не говорила? Ты, касть поганая?</i> (с.36)	(10). <i>Nie mówiłaś, ty ścierwo przekłete?</i>
(s.29)
(11). <i>Этакий подлец! Гадина!</i> (с.194)	(11). <i>Ty łajdaku, ty gadzie!</i> (s.189)

убеждают в том, что говорящий использует их с целью оскорбить собеседника, они не содержат мотивировки, можно сказать, что они не выполняют здесь номинативной функции, хотя по форме денотативны (напр., называют животных: *скотина/bydlę* как обозначение домашнего скота; *стерва/ścierwo* –дохлой скотины; подобным же образом *гад/gad*). Как средства негативной оценки, они понижают социальный и экзистенциальный статус объекта речи, используясь одновременно для вербализации эмоции говорящего, его разрядки, катарсиса как средства психического облегчения (Жельвис 1997).

Следует обратить внимание на специфику употребления этих и подобных им вульгаризмов в русском и польском языках. Такие слова, как *стерва*, *скотина*, *подлец*, *СРБ* причисляет к *смертельным оскорблениям*, они получают помету в нем *бранное*, в то время как *ехидна*, *гадина*, *дрянь* определяются как *бытовая грубость*. В польском языке самым оскорбительным является *ścierwo*, остальные в современных упомянутых словарях не встречаются, что свидетельствует об их отчасти устарелом характере. *Słownik polszczyzny potocznej* слова *bydlę*, *cholera*, *ścierwo* и др. относит к *obraźliwym*.

Польский перевод к тому же отличается меньшим разнообразием в данной сфере. Часто употребляемое слово *łajdak*, к примеру, соответствует русским *прохвост*, *подлец*, *мерзавец*, характерным для текста романа. Встречаемые в окружении вульгаризмов прилагательные служат средством усиления намеренного эффекта, в русском тексте при этом, они наблюдаются чаще (см. пример 7 – *негодная дрянь/cholero*). Прилагательные типа *подлый*, *драный*, *проклятый* *СРБ* отмечает как вульгарные. В польских словарях таких помет нет. Примеры бранного употребления помещаются в восклицательных, чаще всего односоставных предложениях, адресованных к тому, кого хотят оскорбить. В исследуемом тексте употребление бранных слов не зависит от того, кто из героев слова эти употребляет. У читателя создается впечатление, будто слова потоком “сыплются” с языка говорящего.

Особую группу составляют оскорбления, представляющие собой оценку не собеседника, а третьего лица и имеющие характер итога, суждения о нем на основании тех или иных черт характера, поведения, которые выступают в роли определения, выполняя номинативную функцию как носители информации. Этим выражениям присуще, как правило, уменьшение эмоциональной нагрузки. Обратимся к таким примерам:

(12). <i>Варвара -хитрая шельма ...</i> (с.124)	(12). <i>Sprytna baba z tej Barbary...</i> (s.118).
(13). <i>Этих мерзавцев надо проучить.</i> (с.134)	(13). <i>Trzeba dać nauczkę tym łajdakom.</i>
(s.128)
(14). <i>И ты пойдешь к этому прохвосту?</i> (с.55)	(14). <i>I ty pójdziesz do tego łajdaka?</i>
(s.48)

Русские слова *мерзавец*, *шельма* отмечаются в *СРБ* как *бытовая грубость*, указанные польские эквиваленты в *Słowniku polskich przekleństw i wulgaryzmów* не помещены, в *SJPD (Słownik języka polskiego 1958)* они получают помету *obraźliwe*. Следует еще заметить, что соответствием русского слова *шельма* является в переводе *baba* (с оттенком пренебрежения), хотя в польском языке слово *szelma* также имеется (определяется по *SJPD* - *hultaj, łotr* и имеет отчасти устарелый характер).

Стоит обратить также внимание на проявление негативной оценки с помощью формы слова (не только его значения). Замечание это касается в нашем случае суффиксов, способных модифицировать стилистические оттенки (см. также пример 3). Проиллюстрируем это на следующих примерах:

(15). <i>А Машенька, здравствуй, раздевоня.</i> (с.79)	(15). <i>Ach, witaj Marysieńko, moja</i>

kochaneczko(73)

(16). *Тихоня-то ваш, хорош, нечего сказать.*(с.129)

(16). *Ładny gagatek z tego pani*

jagniątko...(123)

Существительные эти указывают на субъекта как на производителя действия, в МАС они получают помету *неодобрительное* по отношению к собеседнику, что подсказывает не только самое значение, но и форма с суффиксом -оня-. В польском языке все это происходит иначе. Эффект иронии и негативная оценка достигается благодаря применению не суффиксов, а выражений положительных вместо негативных. В примере (15) *kochaneczka* интерпретируется как экспрессив, передающий положительное отношение к субъекту (подобным образом *jagniątko*), *gagatek* имеет помету в *Słowniku polszczyzny potocznej – żartobliwie*.

В количественном отношении высказывания героев составляют большинство случаев негативной оценки объекта как носителя определенных (отрицательных) качеств, обладающие большой эмоциональной нагрузкой, оттенком грубости и сниженности, в частности из-за того, что они принадлежат просторечию. Использование бранной лексики как обычного средства общения дает возможность также негативно оценивать самоё среду персонажей романа. Объем статьи не дает возможности показать все огромное разнообразие анализируемых единиц, позволяя наметить лишь основные тенденции выражения отрицания в русском и польском языках. В одном и в другом языках есть свои средства для выражения оценки, и степень их оскорбительности часто не совпадает (польский перевод, к примеру, менее выразителен в отношении передачи пренебрежения, презрения). Однако, учитывая то, что сфера негативной оценочности развивается довольно стремительно и интенсивно как в русском, так и в польском языках, наблюдения над этим процессом могут дать интересные результаты, особенно в условиях все возрастающего развития сфер коммуникации, порождаясь нередко необходимостью выразить все как можно более коротко, ясно и выразительно. Художественная литература содержит богатый и мало изученный материал для подобных исследований и наблюдений.

Библиография

1. Anusiewicz J., Sławiński J. (1996) *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa – Wrocław.
2. Grochowski, M. (1995) *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa.
3. Grzegorzczkova R., Puzynina J. (1979) *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego*. Warszawa.
4. Kuryło, E. (1990) Wartościowanie w leksyce potocznej. *Socjolingwistyka X*: 21-27.
5. Ożóg, K. (1981) O współczesnych polskich wyrazach obraźliwych. *Język Polski LXI*: 181-2.

6. *Słownik języka polskiego* (1958). Pod red. W.Doroszewskiego, Warszawa.
7. Sołogub, F. (1973) *Mały bies*. Warszawa.
8. Арбатский Л.А. (1999) *Ругайтесь правильно или Довольно толковый словарь русской брани*. Москва.
9. Арутюнова Н.Д. (1985) Аксиология в механизмах жизни и языка. В: *Проблемы структурной лингвистики 1982*. Москва, с.5 - 23.
10. Жельвис В.И. (1997) *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Москва.
11. Сологуб Ф. (1995) *Мелкий бес*. Париж.
12. Телия В.Н. (1988) Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. В: *Метафора в языке и тексте*. Москва, с.25-35.